

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Алсалиби Риваа Мухаммад Салем на тему: «Адаптивные коммуникативные практики этнокультурных сообществ в сетевых медиа», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация Р. М. С. Алсалиби посвящена коммуникативным практикам мигрантов на примере этнокультурных сообществ (преимущественно арабских стран Ближнего Востока и республик бывшего СНГ) в Санкт-Петербурге. Выбор гиперлокальной тематики представляется оправданным в силу возможности масштабирования полученных результатов на ситуацию других крупных городов страны, а также применение полученных данных в работах сопоставительного плана (например, сопоставлений с коммуникативными практиками других этнокультурных сообществ). Этим обуславливается и актуальность выбранной темы: вопросы адаптации мигрантов в новых условиях становятся все более актуальными и значимыми в связи с поворотом интернационализации различных российских социальных институтов (в том числе и образования) в сторону восточного (и ближневосточного) вектора взаимодействия. Актуальность работы связана также и с нарастающей значимостью сетевых форм коммуникации, когда паблики, чаты, форумы и каналы в различных сетях и мессенджерах фактически берут на себя функции системных средств массовой информации для многотысячной аудитории. Ключевое понятие, раскрываемое на выбранном материале в диссертации, определяет научную значимость работы: речь идет об адаптивном аспекте коммуникационных практик мигрантов, нацеленных на приспособление к инокультурной среде. Процессы адаптации, обычно исследуемые в рамках социальной психологии, изучены в работе в аспекте коммуникации и собственно языковых форм информационного обмена, что также представляется актуальным и значимым, а также соответствующим паспорту специальности и отрасли наук, по которой защищается диссертация.

В первой главе исследования («Теоретико-методологические основы исследования адаптации этнокультурных сообществ») содержится два параграфа, в которых речь идет о теоретических аспектах адаптации и коммуникативных практик как двух базовых понятий исследования. Первый параграф первой главы («Адаптация этнокультурных сообществ: интерпретация понятия, виды и функции») посвящен ряду понятий, обзор которых показывает хорошее знакомство диссертанта с теориями этносов и этнического (так, приводятся определения таких понятий, как "этнос", "этническая группа", "этничность", "этническая идентичность", "этническая принадлежность", "национальная группа", "этнонациональная группа", "этнокультурная группа"). Сам автор относит свое исследование к конструктивистскому «крылу» теорий этничности (в отличие от примордиальной и либеральной концепций – см. с. 29 диссертации), поскольку рассматривает коммуникативные практики как инструмент формирования, конструирования и поддержки этнической идентичности. Далее в параграфе речь идет об адаптации (в аспекте включенности в принимающий этнос). Диссертант следует концепции Г. С. Витковской в описании восьми основных функций адаптации (с. 34), предлагает обширное описание современных подходов к ассимиляции и аккультурации как вариантам адаптивных стратегий (с.36), показывает детальное знакомство с типологией Д. Берри, теориями К. Камиллери и Р. Мертона (с. 39-40 и далее). Именно концепция Р. Мертона оказывается максимально близкой теоретическому подходу диссертанта (это прослеживается и в текстах статей, отражающих содержание диссертации).

Во втором параграфе первой главы («Особенности и трудности адаптивного процесса этнокультурных сообществ в современной России») автор диссертации

обращается к коммуникации как сути адаптационных процессов; в этом параграфе также предложен общий обзор проблемы миграции как специфической ситуации, активизирующей дифференциацию «свой» – «чужой» – «другой» (с. 54); приводится перечень стран, граждане которых образуют этнические группы в Санкт-Петербурге. Р.С. М. Алсалиби утверждает, что в силу нишевого характера такие группы не могут иметь свои официальные СМИ и прибегают к ситуативным интернет-группам, выполняющим функции таких СМИ.

Вторая глава исследования («Особенности коммуникативных адаптивных практик в этнокультурных сообществах») включает два параграфа и содержит описание возможных коммуникативных практик этнических групп мигрантов, а также специфики медиаресурсов, обеспечивающих внутригрупповую коммуникацию.

В первом параграфе второй главы («Разнообразие коммуникативных практик этнокультурных сообществ») утверждается, что всего можно выделить четыре коммуникативные практики – клубные встречи, лекции и иные мероприятия, встречи в специализированных центрах, организованный учебный процесс, а также медиа-общение. По мнению автора, главным инструментом включения мигрантов в культуру принимающего общества выступают именно средства массовой информации, поскольку они способны отражать и формировать картину мира, свойственную принимающей культуре, нацелены как на конститутирование национальных черт этой культуры, так и на социализацию населения. Однако, как автор утверждает и ранее, мигранты оказываются в ситуации дефицита специализированных СМИ, для которых именно они были бы целевой аудиторией (с. 70). В этом параграфе автор кратко повторяет основные выводы опроса (анкетирования) мигрантов, который более детально, чем в диссертации, представлен в статье «Коммуникация в петербургских социальных сетях как средство адаптации этнокультурных сообществ» (Літера. 2021. № 1. С. 38–55).

Во втором параграфе второй главы («СМИ в адаптации этнокультурных сообществ: функции и формы участия») автор вновь возвращается к функциям СМИ как инструменту аккультурации, отмечает, что такие СМИ и консолидируют группы, и позволяют им адаптироваться к принимающей культуре. В силу этого СМИ отнесены к духовной культуре. Автор также приводит концепцию Г. Хофстеде об особенностях культурных измерений (с.78-79), а затем обобщает эмпирический материал, связанный с анализом медиаресурсов выбранных этнических групп. В этом же параграфе рассмотрены особенности дискурса таких публичков (на примере одного из ресурсов египетской этнической группы). В заключение параграфа диссертант указывает на значимость акторно-сетевой модели Б. Латура и системной модели Н. Лумана для рассмотрения коммуникативной модели адаптации.

Третья глава работы («Идентификационная модель адаптации этнокультурных сообществ») посвящена вопросам этнической идентичности в коммуникативном аспекте. В первом параграфе третьей главы («Идентификация в коммуникативной совместности этнокультурных сообществ») диссертант демонстрирует знакомство с основными теоретическими подходами к вопросам идентификации (как процесса обретения идентичности) и идентичности как таковой; в частности, приведены точки зрения Э. Дюркгейма, Э. Эриксона и Э. Морана; упоминается и К. Левин как теоретик социальной идентичности. Далее вводится понятие репродукции как механизма поддержания иерархий внутри группы. Затем диссертант обращается к понятию габитуса (по П. Бурдьё). На с. 109 приведены шесть стратегий репродукции этнической идентичности и указано, что с опорой на них была разработана анкета для выявления ключевых стратегий идентификации в случае этнических групп, проживающих в Санкт-Петербурге. С опорой на данные анкетирования, представленные в приложении к диссертации, автор дает краткие характеристики четырем этническим группам: сирийской, палестинской, дагестанской, чеченской. Затем в параграфе описаны некоторые теоретические подходы к различным аспектам коммуникации: так, на с. 120-121 вводится

ряд понятий, связанных с коммуникативной совместимостью (коммуникативные возможности, навыки, компетенции; коммуникативная деятельность и ее мотивация); на с. 121 приводится семь этапов формирования коммуникативных свойств личности (по диссертации Т. П. Абакировой 2000 года); предлагается интерпретация этих позиций с опорой на ту же диссертацию (с. 122). Далее диссертант описывает три вида коммуникации (вербальная, невербальная, паравербальная) по А. П. Садохину (2005); переходит к теме шума в канале коммуникации по Л. Барну, говорит о навыках преодоления коммуникативных барьеров и рассуждает о конфликтных ситуациях, возвращаясь к теме познания собственной идентичности в виде трех этапов (социальная категоризация, социальная идентификация, социальная идентичность (по Г. М. Андреевой)). Развивая эти мысли, диссертант приводит мнение М. Г. Стадникова о четырех основных сферах межгруппового взаимодействия (поведенческая, когнитивная сферы, сфера отношений и убеждений) и перечисляет со ссылкой на А. П. Садохина перечень возможных межкультурных конфликтов. Весь этот теоретический материал завершается утверждением о значимой роли журналистики в формировании коммуникативной совместимости (с. 132) и анализом медиаресурсов мигрантов в Санкт-Петербурге (с опорой на приложение к диссертации). Всего проанализировано четыре группы (украинские, казахские, таджикские и узбекские мигранты). Анализ представляет собой обобщение таблицы, приведенной в приложении.

Во втором параграфе третьей главы («Параметры коммуникативной модели адаптации этнокультурных сообществ с участием журналистики») диссертант обращается к теоретическим трудам И. Н. Блохина в части размышлений ученого о стереотипизации и ярлыках, «приклеиваемых» отдельным этническим группам в медиапространстве принимающей культуры. Возвращаясь к уже упоминаемым ранее в диссертации четырем этапам адаптации (экономический – ранее он назывался «хозяйственным», «материальным», социальный, психологический, культурный), автор исследования предлагает параметризацию анализа медиаресурсов мигрантских групп. Всего в параграфе приведено описание 12 таких ресурсов. В анализе некоторых ресурсов указываются связи страниц групп Санкт-Петербурга с аналогичными этническими группами в других городах России и на родине, а также делается вывод о выполнении такими ресурсами трех основных функций (регулятивной, социализирующей и психокоррекционной – с. 146). Также дается рассуждение о сходстве и различии реальной группы и интернет-сообщества (виртуального сообщества – с. 147). Диссертант отмечает, что при перемещении основных коммуникативных практик в интернет-пространство этническая группа теряет четкую привязку ко времени и пространству (территории) и опирается на такой параметр, как принцип общих социокультурных интересов. При этом, утверждает диссертант, виртуальное сообщество не может полностью заместить реальное сообщество, поскольку идентичность в рамках такого сообщества характеризуется частичностью, обладает нестабильной, изменчивой природой, тяготеет к понятию «скрытой идентичности» (с. 149). В то же время медиаресурсы, обеспечивающие и поддерживающие виртуальные сообщества, выполняют все функции официальных СМИ, которых этнические группы в принимающих обществах лишены. Диссертант приходит к выводу, что этнические медиаресурсы, ориентированные на мигрантов из арабских стран, конструируют идентичность как сообщества «других», стремясь адаптироваться к принимающему обществу (с. 151).

В Заключении автор отмечает, что «все этнические группы, изученные в данном исследовании, достигли высокого уровня социализации», проводит параллели с исследованиями позиций этнических групп во французском обществе, на основе этого сопоставления утверждает, что в России у этнических групп нет тенденции к сегрегации (кроме египетской этнической группы), а адаптация проходит успешно, включая все четыре основных этапа. Также приводятся данные различных исследований канадских этнических групп и делается вывод о сходстве полученных диссертантом результатов (в

частности, о гибридной идентичности, сохранения двух идентичностей – «родной» и «принимающей» культуры).

Знакомство с текстом диссертации, публикациями автора по теме работы показывает, что Р. С. М. Алсалиби проделана большая работа по изучению коммуникативных адаптивных практик целого ряда этнических групп, проживающих в Санкт-Петербурге. Однако есть ряд замечаний к работе:

– эмпирический материал не получил четкого описания; ни из текста работы, ни из текста публикаций неясно, какие именно медиаресурсы были исследованы: приведенные ссылки на медиаресурсы недействительны, неполны, не ведут на указанные источники; приведены только в некоторых случаях, что затрудняет понимание масштаба и оценку работы;

– автор на разных этапах исследования обращается к различным этническим группам (например, в анкетировании участвовали иные группы, чем в анализе медиаресурсов), что также делает результаты исследования нечеткими и недостаточно значимыми;

– теоретические работы, включенные в построение исследования, недостаточно упорядочены; частотны случаи обращения к концепциям, которые не имеют значения для построения исследования и никак не актуализируются в эмпирическом материале;

– ряд выводов (в том числе в Заключение) не соотносится ни с анализом эмпирического материала, ни с задействованной теоретической базой, эти выводы не выглядят логично вытекающими из текста диссертации;

– практически отсутствуют новейшие научные источники по теме работы: среди российских авторов практически нет работ 2020–2021 годов (кроме одной статьи и статей самого автора исследования); зарубежные источники представлены в основном работами XX века; фактически нет исследований новее 2018 года; в целом специальная литература конкретно по теме адаптации мигрантов практически не представлена (в качестве примера укажем на труды С. Ю. Белоруссовой, развивающей понятия «киберэтнографии» и «кибердиаспоры»; в ее обзорах десятки трудов, не попавших в поле зрения диссертанта).

– работа не вычитана и изобилует опечатками, пунктуационными и грамматическими ошибками, затрудняющими понимание смысла высказываний.

В порядке научной дискуссии также хотелось бы услышать ответы на следующие вопросы:

1. Одна из задач исследования – охарактеризовать основные различия между использованием традиционных СМИ и сетевых медиа в процессе адаптации мигрантов. Между тем в работе утверждается, что традиционных СМИ для мигрантов не существует (см. также положение 3, выносимое на защиту). Как можно объяснить это противоречие?

2. Каким образом и на каком материале решалась задача «выявить средства репрезентации связанной с этнопсихолингвистическими особенностями разговора категории «эмотивности» (приведена точная цитата)? Что именно понималось под «этнопсихолингвистическими особенностями разговора»? Чем эта задача отличается от предыдущей (изучение средств языковой выразительности на примере страницы «Египетское сообщество в Российской Федерации»)?

3. В работе сформулирована задача «выявить критерии эффективной адаптации мигрантов в зависимости от особенностей культуры принимающего большинства жителей мегаполиса». Каким образом решалась эта задача? Где и как изложены результаты ее решения?

4. Может ли автор привести четкий перечень изученных медиаресурсов по каждой этнической группе с учетом времени их создания, аудитории, форм и степени медиавовлеченности пользователей?

5. Может ли диссертант уточнить, каковы «перспективы развития адаптивных коммуникативных практик в рамках этнических сообществ» (сформулировано как задача работы, но описание перспектив в работе не обнаружено)?

6. С какой целью в работу включено подробное описание «культурных измерений» Г. Хофстеде?

7. В числе методов исследования упомянуты нарративные интервью. Как этот метод был реализован и почему результаты его применения не нашли отражения в диссертации?

8. В шестом положении, выносимом на защиту, утверждается: «Среди различных групп иммигрантов наблюдается широкий спектр типов и стратегий индивидуальной адаптации от конформизма и ассимиляции до маргинализации и бунта» (с. 13). Между тем, в диссертации не приводятся примеры «бунтарских» форм адаптации. Почему эти наблюдения не были включены в диссертацию, каким образом автор обосновывает данное положение, если оно не развито в тексте исследования?

9. Метонимия в исследовании названа «разновидностью метафоры» (с. 94). На какие труды автор опирается, утверждая это?

10. На с. 51 предлагается краткая статистика миграции в Россию по данным 2014 года. Почему приведены данные того времени и располагает ли автор актуальными статистическими данными?

11. На с. 57 речь идет то о «коммуникационных», то о «коммуникативных» практиках. Различает ли автор эти понятия?

12. На с. 150 утверждается: «Однако медиаресурсы несут в себе новый символизм в обмен на национальный символизм, который традиционно рассматривается как инструмент для привития чувства идентичности». О каком именно новом символизме идет речь? В чем и как он проявляется?

В целом следует отметить, что диссертантом представлена научно-квалификационная работа, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития медианисследований, а именно на основе обстоятельного знакомства со значительным числом научных источников проделана большая работа по сбору и упорядочиванию актуальных данных об адаптации этнических групп в Санкт-Петербурге в области формирования и использования медиаресурсов, предложено описание адаптивных практик таких групп. В целом диссертация Риваа Мухаммад Салем Алсалиби соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Риваа Мухаммад Салем Алсалиби заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.9 Медиакоммуникации и журналистика. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры журналистики и
массовых коммуникаций федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Челябинский
государственный университет»

Загидуллина Марина
Викторовна

04.04.2022

Загидуллина Марина Викторовна
Фед. Журналистика ИМ
специалиста по курсу